

родную и пріятную осанку. Она была величественнѣ всѣхъ Королевъ и Принцессъ, видѣнныхъ мною въ это время.

Однакожъ шествіе остановилось было передъ отъѣздомъ Папы изъ Тюльери, и вотъ почему:

Когда Папа отправляется изъ дворца своего для совершенія литургіи въ одной изъ церквей Римскихъ, предъ выѣздомъ Его Святѣйшества обыкновенно отправляется въ ту же самую церковь одинъ изъ камерировъ его (camerier), и отправляется на ослѣ и съ большимъ крестомъ въ рукѣ. Объ этомъ обыкновеніи г. Сегюръ узналъ въ ту самую минуту, когда Его Святѣйшество выходилъ изъ своей половины. Осла приготовлено не было, а камериръ не соглашался ѣхать на лошади или даже и на мулѣ. Дѣлать было нечего: отправили искать осла и, къ счастью, нашли у одной торговки въ улицѣ Дойоне. Осла вычистили, выходили, покрыли богатѣйшимъ бархатнымъ чапракомъ и подвели къ парадной лѣстницѣ павильона Флоры. Настойчивый камериръ поѣхалъ, а въ слѣдъ за нимъ отправился и Папа въ церковь Парижской Богоматери. Ихъ Величества отправились часъ спустя послѣ отъѣзда Папы.

Въ домѣ Архіепископа были приготовлены особливый комнаты, въ которыхъ каждый могъ привести въ порядокъ или пополнить свой церемоніальный костюмъ. Здѣсь-то Наполеонъ надѣлъ свою Императорскую мантию изъ краснаго бархата, усыянаго золотыми пчелами. Мантия была подбита горюстаемъ и бѣлымъ атласомъ, а поддерживалась на плечахъ золотыми торсадами и брилліантовыми агра-

фами. Она имѣла до 22 локтей въ окружности и вѣсила 80 фунтовъ. (Мантию поддерживали пять сановниковъ; но, не смотря на это, тяжесть ея подавляла Императора).

Кортежъ наконецъ двинулся. Когда онъ явился передъ папертью, оглушительное «да здравствуетъ Императоръ!» было произнесено народомъ съ такимъ единодушіемъ, съ такою силою, что стекла въ окнахъ церкви задрезжали и самыя стѣны ея, казалось, потряслись. Когда кортежъ достигъ середины паперти, Папа выступилъ изъ своего балдахина и въ сопровожденіи кардиналовъ, на которыхъ были красныя мантии и синіе чулки, встрѣтилъ и сопровождалъ Ихъ Величества до самыхъ кресель ихъ, передъ которыми стояли два наоя. Въ этомъ шествіи Его Святѣйшества предшествовало все соборное духовенство, предводимое г. Прадтомъ, который, какъ обыкновенно, выступалъ поднявъ голову, выворачивая ноги и оттопыривъ локти. Когда Ихъ Величества подошли къ своимъ кресламъ, кортежъ остановился; Императоръ и Императрица преклонили колѣна, а хоръ возгласилъ: *Veni, creator!* Послѣ этого Папа сталъ въ свою очередь на колѣна и произнесъ краткую молитву; по окончаніи ея, онъ всталъ и возвратился подъ свой балдахинъ, находившійся по лѣвую сторону отъ алтаря.

Кортежъ, отступивъ отъ кресель, прибылъ къ Императорскому трону. Ихъ Величества вошли на этотъ тронъ. Послѣ этого каждый занялъ мѣсто, назначенное ему по церемоніалу.

Папа приблизился къ алтарю и литургія началась.

Она была совершена самимъ Папою; всѣ присутствовавшіе въ церкви были погружены въ глубокое благоговѣніе. Въ продолженіе тридцати лѣтъ, протекавшихъ послѣ коронаціи, я видѣлъ много пышныхъ общественныхъ празднествъ, но не видалъ ничего подобнаго зрѣлищу, которое представляла церковь Парижской Богоматери въ день коронаціи. Живопись и украшенія этой церкви были возобновлены; галлерей и ложъ, нарочно устроенныя для зрителей, украшены съ неимоверною пышностію. Въ этихъ галлерейхъ и ложахъ съ девяти часовъ утра толпились нетерпѣливые зрители. Священные гимны, величественно звучащіе подъ высокими готическими сводами; древнія стѣны, покрытыя блестящими тканями; депутаціи городовъ Имперіи; тысячи перьевъ, вѣявшихъ надъ шляпами сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ, трибуновъ; высшіе сановники государственные въ ихъ блестящихъ костюмахъ; множество военныхъ мундировъ, блиставшихъ золотомъ и серебромъ; безчисленное духовенство въ пышномъ облаченіи; множество дамъ богато одѣтыхъ; знаменитые иностранцы, съѣхавшіеся изъ Италіи и Германіи; наконецъ пушечная пальба, колокольный звонъ и радостныя восклицанія народа: все это составляло одно цѣлое — торжественное, блистательное, высокое и прогательное...

Во все продолженіе коронаціи лице Императора было спокойно; но мнѣ показалось, что продолжительность церемоніи утомила Наполеона; мнѣ показалось даже, что онъ, поднося два или три раза руку ко рту, старался скрыть зѣвоту, и когда Папа помазалъ елеемъ лобъ его и руки, я заключилъ по

направленію глазъ его, что онъ заботился только о томъ, чтобы отереться. Г. Прадтъ подавъ сигналъ, г. Сегюръ повторилъ его и пять дамъ придворныхъ, изъ которыхъ одна несла свѣчу восковую, въ которой вставлены были пять золотыхъ монетъ, оставили мѣста свои и открыли шествіе. За ними послѣдовалъ весь кортежъ въ томъ же порядкѣ и съ тою же правильностію, какъ и прежде. Послѣ этого Папа прочелъ молитву, которую Императоръ, какъ и всѣ прочіе, слушалъ съ благоговѣніемъ.

Императоръ сошелъ съ трона и сталъ на колѣна предъ своимъ наложникомъ; но увидѣвъ, что Папа беретъ за Императорскую корону, лежавшую на престолѣ, поспѣшно всталъ, подошелъ къ Его Святѣйшеству, вырвалъ изъ рукъ его корону и гордо положилъ ее себѣ на голову. Въ это мгновеніе лице Наполеона облилось румянцемъ, глаза будто загорѣлись, а станъ его, казалось, сдѣлался вдвое выше.

Но минута самая любопытная была та, когда Жозефина получила корону изъ рукъ Наполеона и была вѣнчана имъ на царство.

По знаку, поданному г. Прадтомъ, Жозефина сошла съ трона, приблизилась къ ступенямъ алтаря, у которыхъ ожидали ее Императоръ и Папа. Жозефина шла медленно, съ потупленными глазами, съ набожнымъ видомъ. За нею слѣдовалъ дворъ ея.

Жозефина была глубоко растрогана; приблизившись къ Наполеону, она преклонила колѣна, подняла на него глаза свои и прослезилась.

Императоръ былъ растроганъ не менше, но онъ господствовалъ надъ своими ощущеніями и сохранилъ всю свою важность.

Онъ медленно взялъ съ престола небольшую корону съ крестомъ на верху и возложилъ ее сперва себѣ, а потомъ Жозефинѣ на голову съ неподражаемымъ величіемъ. Наконецъ онъ взялъ Императрицу за руки и поднялъ ее съ большою пріятностію.

Когда Его Святѣйшество сказалъ Императрицѣ приличное этому случаю привѣтствіе, Жозефина возвратилась къ намъ и заняла свое мѣсто на тронѣ. Умиленіе было всеобщее.

Наполеонъ послѣдовалъ за Императрицею, при пѣніи гимна *Vivat in excelsis* и въ сопровожденіи всего кортежа. Послѣ этого Его Святѣйшество возгласилъ: Тебѣ Бога хвалимъ!

Послѣ *Ite missa est*, Его Святѣйшество поднесъ Императору Евангеліе. Наполеонъ снялъ, — правда съ большимъ трудомъ, — перчатку и положивъ руку на Евангеліе, произнесъ присягу.

Впрочемъ присяга была произнесена такъ тихо, что не была ни кѣмъ слышима.

За этимъ послѣдовала общая присяга. Г. Сегюръ подозвалъ г. Талейрана, Оберъ-Каммергеръ подозвалъ Архиканцлера, Архиканцлеръ — председательствующаго въ Сенатѣ и такъ далѣе, для подписанія присяжнаго листа, составленнаго Государственнымъ Секретаремъ Марѣ (Герцогомъ Бассано). Это «подписаніе» произвело порядочную суматоху.

Наконецъ Архиканцлеръ представилъ этотъ актъ къ подписанію самому Наполеону, и Наполеонъ подписалъ его. Послѣ этого Ихъ Величества отправились въ Архіепископскій домъ, а оттуда въ Тюльери, при радостныхъ восклицаніяхъ народа.

Никогда не слыхалъ я музыки лучше той, которую

слышала въ этотъ день въ церкви Парижской Богоматери. Она была сочинена *Paejiello*’мъ, аббатомъ *Rose*’омъ и Лесюеромъ. Оркестръ состоялъ изъ пяти сотъ человѣкъ. Въ немъ участвовали лучшіе артисты Италіи и Франціи, а управляли имъ Нурри отецъ и *Laiv*.

Вечеромъ всѣ улицы столицы были иллюминированы. Общественныя зданія были освѣщены бенгальскимъ огнемъ; иллюминація Тюльерійскихъ садовъ превосходила своимъ великолѣпіемъ всякое описаніе: на каждомъ деревѣ горѣли тысячи шкаликовъ. Въ заключеніе упомянемъ о колоссальной звѣздѣ, сіявшей на площади *de la Concorde*, и о дворцѣ, который блисталъ такъ, какъ бы весь былъ изъ пламени.

Церемоніаль коронованія былъ продолжителенъ и утомителенъ до чрезвычайности: онъ длился болѣе пяти часовъ. Ихъ Величества возвратились въ Тюльери въ половинѣ седьмого.

Всѣ проголодались, перезябли, устали. Наполеонъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Тюльери, снялъ свой великолѣпный, но тяжелый костюмъ, и надѣлъ свой любимый, скромный мундиръ гвардейскихъ гренадеръ. Переодѣвшись, Императоръ бросился на стулъ, вытянулъ ноги, опустилъ руки и воскликнулъ: «Наконецъ я отдыхаю!... Мнѣ кажется, что я во всю жизнь не уставалъ до такой степени, какъ теперь.... Я лягу спать сего дня очень рано!...»

Необходимость отдыха чувствовалъ не одинъ Императоръ: Папа уснулъ почти тотчасъ по пріѣздѣ въ свой павильонъ Флоры.

НАГЛОСТЬ.

Конечно, я поступила не слишкомъ умно, когда задумала *сердиться* на Императора, который едва зналъ о моемъ существованіи; но какъ бы то ни было, а я *сердилась* на него: я очень важно просидѣла въ моемъ замкѣ Ребремьень съ моимъ старымъ деверемъ и двумя маленькими дѣтьми моими все 2 декабря 1804 года, то есть день, въ который Наполеонъ Бонапартъ короновался въ Парижѣ. Я мечтала о пышномъ церемоніалѣ коронаціи, потомъ о веселостяхъ, которыя должны были послѣдовать за ней; воображеніе рисовало мнѣ балы, которые длились до самой зари, балы, на которыхъ я не танцевала!... А я не рѣшилась похлопотать о приглашеніи ни на одинъ изъ этихъ баловъ!... Я восторженно читала моему приходскому священнику и двумъ или тремъ пожилымъ дѣвамъ, обитательницамъ сосѣдняго мѣстечка, газетныя описанія празднествъ коронаціи; слушатели мои чистосердечно удивлялись мнѣ и похвалы ихъ разнеслись по всему Невильскому околотку. Предпочсть въ 22 года уединенную жизнь посреди лѣсовъ Орлеанскихъ и притомъ во время зимы Парижскимъ веселостямъ,

предпочестъ изъ презрѣнія къ *хищнику*, изъ желанія кормить груднаго ребенка.... о, это предпочтеніе казалось моимъ почтеннымъ провинціаламъ подвигомъ! Но, нечего таить — въ Парижѣ мое отсутствіе замѣтили только родные мои, да уполномоченные отъ Корсики, присутствовавшіе на коронаціи. Когда официальные веселости кончились, я подумала, что мое пожертвованіе совершилось вполнѣ, и въ концѣ декабря уѣхала въ Парижъ, гдѣ я нашла всѣхъ больными насморкомъ, начиная съ самаго господина Графа Бради. Всѣ бывшіе зрителями коронаціи или дѣйствующими лицами въ церемоніалѣ ея, за исключеніемъ, впрочемъ, самаго Наполеона, простудились препорядочно. Императоръ спасся отъ простуды тѣмъ, что голова его была покрыта короною во время церемоніи.

Корсиканскіе уполномоченные пріѣзжали ко мнѣ и пріѣзжали очень не рѣдко съ двоюроднымъ братомъ моимъ, Франческо Кіалпе, котораго Іосифъ Бонапартъ назначилъ въ то время Генераль-Прокуроромъ; но который, благодаря Бога, заслуживалъ еще болѣе по способностямъ своимъ и по характеру. Въ числѣ этихъ уполномоченныхъ былъ одинъ человекъ, который восхитилъ меня своею наружностью, своимъ разговоромъ и своимъ умѣньемъ носить шпагу, умѣньемъ, которое далось однимъ только военнымъ. Я принялась было расхваливать его, но мнѣ сказали, что онъ былъ сынъ сапожника; я начала хвалить другаго: онъ былъ простой лодочникъ. Право, стоило изучить этихъ людей: они, не вытерпѣвъ пытокъ нашего воспитанія, все поняли, все угадали; они не были ни просты

ни надуты собою; но были умны и разсудительны; были ни чѣмъ не ниже тѣхъ, съ которыми свела ихъ судьба. *Гаффори*, принадлежавшій къ этой же депутаціи, но аристократъ, по происхожденію и по образу мыслей, всегда молчалъ, когда я говаривала, что я удовольствовалась бы обществомъ ремесленниковъ, еслибъ эти ремесленники походили на его товарищей.

Однакожъ онъ полюбилъ меня за то, что я не захотѣла приѣхать въ Парижъ на коронацію, на которой онъ находился только для того, чтобы погордиться своимъ избраніемъ въ депутаты.

Гаффори былъ еще очень молодъ; онъ ненавидѣлъ Императора, и однажды сказалъ мнѣ въ присутствіи очень многихъ, что онъ *счелъ бы удовольствіемъ отдалить ему ногу*. Это желаніе показалось мнѣ сумазброднымъ, и я начала смѣяться; но Гаффори очень серьезно возразилъ мнѣ, *что онъ доставитъ себѣ это удовольствіе, да еще и при свидѣтеляхъ*. Двоюродный братъ мой и уполномоченные корсиканскіе дали слово рассказать мнѣ объ этомъ подвигѣ. Потомъ мы позабыли объ этомъ общаніи Гаффори.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, собрались, не знаю по какому случаю, всѣ депутаціи Франціи въ большой Луврской галлерей. Императоръ подошелъ къ Корсиканской депутаціи; онъ желалъ выслушать оратора ея и сдѣлать нѣсколько вопросовъ уполномоченнымъ. Въ эту минуту Гаффори, безъ всякаго предлога, подходитъ къ Наполеону и, какъ общалъ, нѣсколько разъ ступаетъ ему на ногу.... Въ тотъ же самый вечеръ Гаффори раз-

сказалъ мнѣ объ этомъ происшествіи при своихъ товарищахъ, которые подтвердили справедливость словъ его. Я была не въ духѣ и даже нѣсколько сердита. «Я не могъ удержаться, сказалъ мнѣ Гаффори; мнѣ кажется, что я все еще вижу его на балѣ въ Корсикѣ, гдѣ съ нимъ не пошла танцевать ни одна дама.» Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ меня: мнѣ было досадно, что человѣкъ, располагавшій судьбами Франціи, внушалъ къ себѣ столь мало уваженія. Какимъ образомъ, говорила я, можно припомнить плохой балъ и дамъ неучтивицъ посреди Луврской Галереи, украшенной побѣдоносными орлами и лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который въ день своей коронаціи праздновалъ день Аустерлицкой битвы? Однакожъ, признаюсь, я была довольна, что эту неучтивость сдѣлалъ,—если ужъ ее надобно было сдѣлать,—сдѣлалъ Корсиканецъ, а не кто нибудь другой.

Впрочемъ, этотъ Гаффори былъ человѣкъ хорошаго происхожденія: родъ его отличался храбростію; мать Гаффори въ одной изъ ссоръ, которыя въ Корсикѣ бываютъ живы и кровавы до того, что походятъ на войны, защищала домъ свой отъ нападеній враждебной партіи. Враги ея одолѣвали; осажденные, потерявъ надежду, начали поговаривать о сдачѣ; но госпожа Гаффори не соглашается: она требуетъ нѣсколько минутъ на размышленіе; просьба ея исполняется.

Чтожъ вы думаете сдѣлала г-жа Гаффори? Она принесла въ комнату боченокъ съ порохомъ, сѣла подлѣ него съ зазженнымъ фителемъ и послала сказать своимъ защитникамъ, что *они взлетятъ*, но

не сдадутся. — Защитники нашли возможность держаться....

Къ счастію явился къ нимъ на помощь Г. Готфори съ войскомъ, бывшимъ въ его распоряженіи, и заставилъ снять осаду съ дома.

Графиня Бради.

ОБЪ ЭТИКЕТЪ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ДВОРѢ.

Во время Французской революціи, этикету, введенному Людовикомъ XIV, слѣдовали только два двора: Испанскій и Неаполитанскій. Не было и слѣдовъ остроумія и щегольства двора Версальскаго, когда Наполеонъ достигъ верховнаго владычества, когда онъ задумалъ воскресить обыкновенія прежней монархіи и составить, вочто бы то ни стало, дворъ, и притомъ такой дворъ, который послужилъ бы къ улучшенію обращенія и языка древней и новой аристократіи.

Конечно не легко было возстановить тронъ и воскресить титулы, привилегіи и отличія тамъ, гдѣ народъ клялся ненавистью ко всѣмъ аристократическимъ привилегіямъ; однакожь Наполеонъ, который успѣвалъ во всемъ, преодолѣлъ всѣ препятствія.

Онъ сдѣлался Императоромъ, создалъ дворянство, образовалъ дворъ и новыми побѣдами своими утвердилъ и прославилъ этотъ новый порядокъ вещей. Вся Европа признала его; даже было время, въ ко-

торое можно было подумать, что дворы Европы собрались въ Парижъ какъ бы для того, чтобы составить одинъ блистательный дворъ — дворъ Тольерійскій. При этомъ дворъ были каждую недѣлю *большіе и малые выходы*, пиршества, балы, концерты и спектакли, пышность и величіе были неимовѣрныя; одинъ только Императоръ въ отношеніи къ самому себѣ не измѣнялъ своей обычной простоты: онъ не былъ любителемъ роскоши и покровительствовалъ ей только изъ политическихъ видовъ. Празднества, бывшія по случаю коронаціи Наполеона, потомъ во время бракосочетанія его съ Маріею Луизою и наконецъ при крещеніи Короля Римскаго, перевзошли своимъ блескомъ всѣ предшествовавшія имъ празднества, и подобныхъ имъ, быть можетъ, никогда не будетъ.

Словомъ *Государь* привѣтствовалъ Наполеона въ первый разъ Камбасересъ 18 Маія 1804 года. Это было въ Сень-Клу. Въ это время Камбасересъ отъ имени Сената вручилъ Наполеону декретъ объ учрежденіи Имперіи. Выслушавъ рѣчь будущаго Архиканцлера, рѣчь, въ которой употребленъ былъ впервые титулъ *Величества*, Наполеонъ немедленно отправился въ Парижъ на свой первый большой выходъ. Этотъ выходъ (19 Маія) былъ многолюденъ и блистателенъ. Министры Французскіе, Посланники иностранныхъ державъ, Генералы, знаменитости всѣхъ родовъ и всѣхъ званій, — все это собралось на первый выходъ; все это было представлено Императору братомъ его Людовикомъ, который началъ съ этого дня исполнять должность великаго Коннетабля Имперіи.

Наполеонъ возобновилъ старинные обряды, наблюдавшіеся въ тѣ минуты, когда Король вставалъ съ постели и ложился, только по имени, то есть онъ не посвящалъ этихъ минутъ, какъ бывало при прежнихъ Короляхъ, своему одѣванью и раздѣванью, но принималъ въ это время тѣхъ изъ своихъ сановниковъ, которые должны были получать приказанія непосредственно отъ него, самаго. На этихъ аудіенціяхъ Наполеонъ подходилъ ко всѣмъ присутствовавшимъ на нихъ, благосклонно выслушивалъ то, о чемъ докладывали ему и, сдѣлавъ этотъ *обходъ*, откланивался; послѣ этого всѣ расходились, за исключеніемъ тѣхъ, которые желали переговорить съ Императоромъ безъ свидѣтелей.

Въ тоже время были возстановлены *особенныя представленія*, но право на нихъ давало уже не происхожденіе, какъ это было прежде, а должности или заслуги.

Вообще Наполеонъ всячески старался воскресить все, что въ отношеніи церемоніала и пышности могло поставить дворъ Тюльерійскій въ гармонію съ другими дворами Европы и приучить Французовъ къ стариннымъ придворнымъ обыкновеніямъ. Для соображенія правилъ этикета былъ составленъ особенный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ самаго Императора. Наполеонъ вошелъ въ самое подробное, въ самое мелочное разсмотрѣніе этихъ правилъ. Ему помогали въ этой работѣ челоѣкъ, котораго онъ по справедливости наименовалъ своимъ Оберъ-Церемоніймейстеромъ: это былъ Г. Сегюръ. Сверхъ того Императоръ не забылъ пересмотрѣть всѣ старин-

ныя постановленія объ этикетѣ, переспросить о немъ придворныхъ Людовика XVI. Г-жа Кампанъ, камеръ-фрау Королевы Маріи Антуанеты, неоднократно бесѣдовала съ Императрицею Жозефиною о прежнихъ придворныхъ обыкновеніяхъ.

Въ первыя времена этого возобновленія этикета, случались сцены презабавныя: приближенные Наполеона, не успѣвъ привыкнуть къ новому порядку вещей, въ одно и тоже время называли Императора *Государемъ, Генераломъ и Гражданиномъ-первымъ консуломъ*. Императоръ улыбался и какъ бы не замѣчалъ этихъ промаховъ. Впрочемъ, это продолжалось не долго: новые придворные скоро вытвердили роль свою. Въ наставникахъ для изученія своего искусства эти господа не нуждались: ветерановъ прежняго двора, исключенныхъ Императоромъ изъ списка эмигрантовъ и добивавшихся мѣстъ при новомъ дворѣ, было множество.

Спустя нѣсколько времени, Императоръ возстановилъ титулы кавалера, барона, графа, герцога и даже князя; но съ этими титулами, доступными всѣмъ классамъ народа и раздаваемыми за заслуги всякаго рода, не соединялось ни какихъ привилегій. Наполеонъ не забылъ воскресить и ордена. Онъ награждалъ ими таланты и отличія всѣхъ родовъ, и чѣмъ болѣе награждалъ, тѣмъ болѣе дорожили этою наградою.—«Желаніе получить крестикъ почетнаго легіона, говаривалъ Императоръ на островѣ св. Елены, возрастало непрерывно и обратилось наконецъ въ какую-то неукротимую страсть.» И въ самомъ дѣлѣ, послѣ Ваграмской битвы, Наполеонъ послалъ Эрцгер-

цогу Карлу, брату Австрійскаго Императора, не болѣ какъ солдатской крестъ почетнаго легіона. Самъ Наполеонъ всегда носилъ такой же крестъ.

За четыре мѣсяца передъ коронаціею, Наполеонъ учредилъ для себя дворъ, состоявшій изъ оберъ-гофмаршала, церемоніймейстеровъ, герольдовъ, шталмейстеровъ, камергеровъ, пажей, берейторовъ, метръ-дотелей, дворцовыхъ придверниковъ и егерей. Сверхъ того въ составъ этого двора входили врачи и многочисленное духовенство; однакожь, я не думаю, чтобы у Императора былъ когда-либо придворный проповѣдникъ или духовникъ.

Этотъ дворъ былъ составленъ какъ изъ тѣхъ, которыхъ возвысила революція, такъ и изъ тѣхъ, которыхъ она ниспровергла.

Помѣщеніе къ должностямъ придворнымъ новое дворянство считало наградою заслугъ своихъ, старое—возвращеніемъ прежнихъ своихъ преимуществъ и правъ, а Наполеонъ желалъ этимъ соединеніемъ двухъ аристократій истребить раздоры и, такъ сказать, слить партіи: желаніе несбыточное. «Не смотря на это, сказалъ онъ однажды, очень не трудно замѣтить разницу между тѣми и другими. Вообще старинное дворянство исправляетъ свои должности гораздо съ большею ловкостью и съ большею услужливостью, чѣмъ новое. Самая знатная герцогиня изъ древнихъ родовъ съ радостью завяжетъ шишурокъ башмака Императрицы, если онъ развяжется; а какая нибудь дама изъ новаго дворянства, на примѣръ жена одного изъ моихъ маршаловъ, не зачто въ свѣтъ не согласится на такой поступокъ изъ страха,

чтобы ее не сочли горничною Императрицы. Герцогиня древняго рода не побоится этого.»

Оклады почетныхъ должностей при Ихъ Величествахъ были по большой части незначительны, хотя при исправленіи этихъ должностей и требовались большіе расходы. Впрочемъ эти обязанности, сблизившія съ властелиномъ, а съ властелиномъ мощнымъ были неистощимымъ источникомъ почестей и богатствъ, потому что господа придворные очень хорошо помнили эти слова Наполеона: «Я не хочу, чтобы служащіе при мнѣ просили о помощи себѣ кого нибудь кромѣ меня.»

И никто не умѣлъ лучше Наполеона давать, — давать много, кстати и часто.

Императоръ, по случаю брака своего съ Маріею Луизою, назначилъ множество камергеровъ, статсъ-дамъ и пр. изъ первыхъ рядовъ аристократіи, чтобы показать Европѣ, что во Франціи нѣтъ раздѣленія на партіи и чтобы окружить свою новую супругу людьми, имѣющими знаменитыя имена. Однакожъ онъ не избралъ изъ этого класса почетной дамы изъ опасенія, чтобы такое избраніе не возгордило слишкомъ аристократію, и назначилъ для исправленія этой важной должности Герцогиню Мантебелло, даму, къ которой онъ питалъ особенное уваженіе.

Съ этой минуты самыя древнія, самыя знаменитыя фамиліи начали добиваться чести попасть ко двору Ихъ Величествъ. Такое рвеніе длилось до самаго начала неудачъ нашихъ. Да и какъ было не добиваться этой чести? Владычество Наполеона бы-

ло обширно; могущество, слава, богатство были его неизмѣнными спутниками. Тогда дорожили честью состоять при особѣ Императора или Императрицы; придворныя должности были у насъ въ то время правомъ на общее уваженіе. Впрочемъ, пышный, блестящій дворъ Императорскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дворъ благоустроенный; порядокъ, введенный въ управленіе имъ, удивилъ даже тѣхъ, которые застали однѣ его развалины.

Императоръ думалъ-было возобновить и парадный столъ, въ томъ видѣ, какъ это бывало въ большой галлерей Версальской, то есть, думалъ каждое воскресенье обѣдать со всѣмъ своимъ семействомъ при стеченіи публики; но, послѣ долгихъ толковъ, оставилъ это намѣреніе. При этомъ случаѣ Наполеонъ замѣтилъ слѣдующее: «Я знаю, что такіе семейственные обѣды произвели бы выгодное впечатленіе на умъ народа и каждому доставили бы возможность видѣть меня, жену мою, братьевъ и сестеръ моихъ. Но развѣ не лѣзя видѣть меня и безъ того до обѣдни каждое воскресенье, или въ театрѣ, когда мы бываемъ въ немъ? Здѣсь участвуютъ съ нами въ дѣлѣ богоугодномъ или веселятся вмѣстѣ съ нами, а Тюльерійскіе обѣды наши будутъ возбуждать одно любопытство; на эти обѣды будутъ ходить только затѣмъ, чтобы посмотреть, какъ мы подносимъ куски ко рту, то есть почти также, какъ ходятъ въ Ботаническій Садъ за тѣмъ, чтобы посмотреть какъ кормятъ звѣрей. Это значило бы сдѣлать и себя и зрителей смѣшными, а мы и безъ того довольно смѣшны.»

Любимою мыслию Императора, мыслию, которую онъ, безъ сомнѣнія, привелъ бы въ исполненіе, еслибъ остался на тронѣ, было непрерывное путешествіе по департаментамъ Франціи, которыхъ считалось въ то время почти вдвое противу нынѣшняго. Онъ тщательно осмотрѣлъ бы эти департаменты одинъ за другимъ, осмотрѣлъ бы въ сопровожденіи Императрицы, Римскаго Короля, своего семейства и всего двора; онъ устроилъ бы такъ, что весь этотъ многочисленный поѣздъ не только не былъ бы въ тягость жителямъ провинцій, но, напротивъ того, былъ бы для нихъ благодѣяніемъ. Ткань съ фабрики Гобелена, вмѣстѣ съ нимъ странствующая, служила бы обоими и украшеніемъ всѣхъ мѣстъ его раздыха. «Свита моя, сказалъ онъ при разговорѣ объ этихъ путешествіяхъ, будетъ помѣщаться у горожанъ, которые будутъ считать своихъ постояльцевъ благодѣяніемъ, а не отягощеніемъ, потому что будутъ имѣть увѣренность получить чрезъ нихъ или выгоду какую нибудь, или милость. Въ этихъ-то путешествіяхъ буду я повсюду искоренять злоупотребленія, наказывать расхитителей, награждать за услуги и вознаграждать за несправедливости судьбы. Я прикажу строить новыя зданія, возобновлю мосты, исправлю дурныя дороги, надѣлаю новыхъ дорогъ, прокопаю каналы, осушу болота и сдѣлаю земли плодоносными; но для этого мнѣ надобно десять лѣтъ мира. Въ эти десять лѣтъ я сдѣлаю Парижъ столицею вселенной, а Францію — романомъ.»

Наполеонъ говорилъ это маршалу Дюроку въ одинъ прекрасный вечеръ, въ Маѣ 1811 года, про-

гуливаясь въ очаровательной долинь Флѣри, отдѣляющей Мёдонскій лѣсъ отъ парка Сень-Клу. День этого разговора долженъ быть памятенъ: онъ придѣлается, черезъ десять лѣтъ разстоянія, число въ число съ другимъ днемъ, напоминающимъ другую долину — долину на островѣ Святыя Елены!

Графъ Ласъ-Казасъ.

ДВА ПОСѢЩЕНІЯ.

Въ числѣ заведеній для воспитанія, которымъ Наполеонъ покровительствовалъ преимущественно предъ другими, были два наиболѣе имъ любимыя; это были заведенія для воспитанія сиротъ кавалеровъ ордена почетнаго легіона, иначе называемое *Экуэнъ*, управленіе которымъ было поручено Г-жѣ Кампанъ, и военная школа *Сенъ-Сирская*, состоявшая подъ начальствомъ Генерала Белаверя. Рѣдко случалось, чтобы въ промежуткѣ двухъ походовъ Императоръ не навѣстилъ своихъ маленькихъ пансіонеровъ, покровительствуемыхъ имъ, или не заѣхалъ къ своимъ крошечкамъ, какъ онъ называлъ иногда питомцевъ того и другаго изъ этихъ заведеній.

Какъ-то, въ первыхъ числахъ Декабря 1809 года, когда снѣгъ уже покрывалъ землю, Кото, помощникъ директора классовъ Сенъ-Сирской школы, входитъ съ веселымъ видомъ въ отдѣленіе *ветерановъ* (воспитанниковъ втораго класса) и говоритъ имъ своимъ *командирскимъ* голосомъ:

— Господа! Императоръ охотится въ окрестностяхъ Версали!... Ему, я думаю, не слишкомъ жарко!... присовокупляетъ онъ, хлопнувъ рукою въ руку, какъ бы для того, чтобы согрѣть эти руки, кожанья перчатки которыхъ были неимоверно толсты.

— Да здравствуетъ Императоръ!... единодушно воскликнули Сень-Сирскіе воспитанники, услышавъ эту радостную вѣсть.

Вслѣдъ за этимъ баталіонъ *ветерановъ* становится подъ ружье; по лѣвую его сторону строится робкій *классъ новобранцевъ* (воспитанники перваго класса); по правую становятся профессеры, офицеры и унтеръ-офицеры. Передъ фрунтомъ, посреди офицеровъ, составляющихъ штабъ школы, помѣщается Генераль Белавень съ своею деревяшкою и съ своимъ костылемъ. Генераль улыбается своимъ подчиненнымъ, хоть онъ былъ и не большой охотникъ улыбаться. Вдругъ слышится галопъ многихъ лошадей. Это Императоръ!... онъ входитъ на дворъ.

— На пле—чо!

Барабаны бьютъ, офицеры снимаютъ шляпы; Генераль подходитъ къ Наполеону, который уже сошелъ съ лошади. Свита его сдѣлала тоже самое: она состоитъ только изъ адъютанта (который пріѣхалъ съ извѣстіемъ о приѣздѣ Императора), Князя Невшательскаго, шталмейстера, двухъ пажей и егеря. Конвой и экипажи остались въ Трианонѣ.

Все, о чемъ я буду рассказывать вамъ, было дѣломъ одной минуты. Сойдя съ лошади, Наполеонъ два ж—

ды снялъ шляпу передъ знаменемъ школы, а зная преклонилось при его приближеніи. *Да здравствуетъ Императоръ!* было произнесено у самыхъ ушей Генерала Белавеня, такъ громко, что оглушило бы его, еслибъ онъ уже не былъ глухъ. Наполеонъ прежде всего спрашиваетъ списокъ провинившихся.

Адъютантъ школы представляетъ ему этотъ списокъ, и первое имя, которое встрѣчаетъ Императоръ въ списокѣ, есть имя молодого Лапажери, двоюроднаго брата Императрицы.

Императоръ разгнѣвался было, но просматривая многочисленные листки этого реэстра, гдѣ была обозначена причина наказаній, которыми Адъютантъ (какъ онъ самъ выражался) *былъ вынужденъ оскорбить* воспитанниковъ,—началь улыбаться. Лапажери былъ посаженъ на шесть дней подъ арестъ за два проступка; во первыхъ: «за отпущеніе бакенбардъ и за храненіе въ мѣшкѣ своемъ бритвы», и во вторыхъ «за насореніе въ караульнѣ шелухою.» Дѣло было въ томъ, что Лапажери, брея себѣ бороду, *забылъ* сбрить парочку бакенбардъ, которыя какъ нельзя болѣе шли къ его хорошенькому личику, и что послѣ этого онъ вздумалъ съѣсть рѣпу, найденную имъ у полигона, очистивъ ее въ караульнѣ.

— Генералъ! сказалъ Наполеонъ Белавеню, прошу васъ, простите брата жены моей и прикажите ему явиться къ своей ротѣ: я желалъ бы видѣть его.

На *кра-уль!* было сдѣлано, какъ обыкновенно, съ удивительнымъ совершенствомъ, и Наполеонъ съ

замѣтнымъ удовольствіемъ началъ немедленно свой *инспекторскій смотръ*. Проходя мимо старшаго капитана школы, Наполеонъ ласково взглянулъ на него: это значило обѣщать капитану, вмѣсто солдатскаго креста почетнаго легіона, висѣвшаго на груди его, другой крестъ меньшей величины, но зато съ золотою короною на верху. Это различіе, какъ ни мелочно оно кажется, было драгоцѣнно въ то время, потому что попасть изъ кавалеровъ въ офицеры почетнаго легіона—было дѣло великое.

Обходя ряды, Императоръ внимательно осматрѣлъ ранецъ cadaго воспитанника и поправилъ на многихъ кивера, надѣтые или слишкомъ на затылокъ, или слишкомъ на лобъ. Подойдя къ Лапажери, который уже былъ въ строю, онъ остановился и съ строгимъ видомъ сказалъ ему:

— А! а! вы явились, сударь!... Почему вы не исполняете приказаній? Генераль поступилъ слишкомъ снисходительно простивъ васъ для меня!... Чтобы впредь я не слыхалъ о вашихъ проказахъ! Вы, сударь, имѣете честь быть двоюроднымъ братомъ Императрицы и, слѣдовательно, моимъ, по этому вы должны, болѣе нежели всякій другой, служить примѣромъ въ исполненіи приказаній!

Потомъ, взглянувъ на него нѣсколько ласковѣе и смягчивъ тонъ, онъ присовокупилъ вполголоса.

— Мнѣ досадно, Лапажери, что вы провинились; но, я увѣренъ, что этого впредь не будетъ, — не правда ли? Ну, голову немного вверхъ, дуло перпендикулярно; — хорошо, такъ.

Подойдя къ тамбуръ-мажору школы, Наполеонъ остановился еще разъ.

Этотъ тамбуръ-мажоръ былъ человѣкъ колоссальный; онъ не рѣдко служилъ моделью въ мастерскихъ нашихъ знаменитѣйшихъ живописцевъ сражений. Наполеонъ окинулъ его однимъ глазомъ, тогда какъ онъ, опустивъ одну руку къ бедру, другою опирался на свою трость съ большимъ набалдашникомъ и гордо, неподвижно стоялъ предъ своими барабанщиками, какъ какой нибудь Римскій консулъ предъ легиономъ преторіанцевъ.

— Славно! сказали Императоръ очень серьезно; такихъ молодцовъ давайте намъ побольше въ гвардію.

— Государь, я былъ въ гвардіи, отвѣчалъ тамбуръ-мажоръ, вытянувшись еще болѣе.

— Знаю, ты вышелъ потому, что тебѣ захотѣлось жениться, то есть, захотѣлось сдѣлать глупость. Развѣ ты думаешь, что я не узналъ тебя?... Ты можешь опять быть въ гвардіи, если желаешь. Есть у тебя дѣти?

— Точно такъ, Государь.

— Мальчики?

— Точно такъ, Государь; трое.

— Въ такомъ случаѣ оставайся здѣсь, но когда сыновья твои вырастутъ, *вырастутъ съ тебя*, понимаешь? я позабочусь объ нихъ.

Наполеонъ подошелъ къ другой группѣ, въ которой стоялъ старикъ Фрабуле. Наполеонъ сдѣлалъ ему знакъ рукою, и Фрабулѣ, этотъ заслуженный сержантъ артиллеріи, приложивъ руку къ киверу, вы-

ступивъ ровнымъ шагомъ; но подойдя къ Императору оробѣлъ, какъ молодая дѣвушка.

— Выучился ли ты писать, мой старый товарищ? сказалъ ему Наполеонъ, пристально взглянувъ на него.

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ бѣднаго сержанта: мускулы лица его сжимаются конвульсивно; огромный свертокъ табаку, который онъ всегда держитъ во рту, быстро переходитъ съ одной стороны на другую, но словъ нѣтъ какъ нѣтъ.

— Я спрашиваю тебя, выучился ли ты писать? повторяетъ Наполеонъ.

— Точно такъ, mon Empereur, отвѣчаетъ наконецъ Фрабуле съ видимымъ усиліемъ. Я состою смотрителемъ порохового магазина, надсматриваю за зарядами, за фитилями и....

— Хорошо.... довольно! отвѣчаетъ Императоръ, махнувъ рукою, какъ бы въ знакъ того, что онъ не желаетъ знать болѣе, но въ тоже самое время благосклонно киваетъ ему головой.

Фрабуле получилъ крестъ почетнаго легіона въ Булонскомъ лагерѣ, при самомъ учрежденіи этого ордена; сверхъ того, Наполеонъ назначилъ ему въ послѣдствіи 365 фр. пенсіона въ вознагражденіе за производство его въ офицеры.

По окончаніи инспекторскаго смотра, начались эволюціи.

Въ промежуткѣ времени, отдѣляющемъ ихъ отъ церемоніальнаго марша, Наполеонъ разговаривалъ

Вос. о Нап.

съ Генераломъ Белавеномъ, съ офицерами, принадлежащими къ штабу школы, и съ капитаномъ Саже, который зналъ *ротное учение, какъ свои пять пальцевъ*. Однажды Саже вздумалъ сказать Наполеону, что народъ уже образованъ какъ нельзя лучше, когда умѣеть дѣлать штыкомъ въ два темпа, и получилъ въ награду за эту остроуту благосклонную улыбку и подарокъ, котораго онъ, впрочемъ, былъ вполне достоинъ по своимъ заслугамъ.

Когда воспитанники прошли церемоніальнымъ маршемъ и прошли чудесно, Императоръ, простивъ всѣхъ провинившихся, оставилъ Сенъ-Сиръ при громѣ кликовъ и восклицаній.

Возвратясь въ Версаль, Наполеонъ позавтракалъ въ Трианонъ и отправился въ Экуэнъ.

Императоръ ѣхалъ черезъ Севръ, черезъ паркъ въ Сенъ-Клу, Булонскій лѣсъ, Сенъ-Дени и пр., и меньше, чѣмъ въ два съ половиною часа сдѣлалъ болѣе сорока верстъ. Для извѣщенія Г-жи Кампанъ о приѣздѣ Императора былъ отправленъ пажъ, въ сопровожденіи егеря. Госпожа Кампанъ прогуливалась въ рощицѣ, смежной съ замкомъ, когда одна изъ надзирательницъ замѣтила у воротъ замка егеря въ Императорской ливреѣ. Надзирательница поспѣшно извѣщаетъ директрису; директриса спѣшитъ къ рѣшеткѣ замка, отыскиваетъ пажа, хлопотавшаго освоенъ измученномъ конѣ, и узнаетъ, что Императоръ чрезъ десять минутъ будетъ въ Экуэнъ. Одѣвать воспитанницъ въ полную форму (бѣлое платье и поясъ яркаго цвѣта) было нѣкогда; директриса приказываетъ имъ оставаться въ классѣ, а дамамъ быть на своихъ

мѣстахъ. Спустя нѣсколько минутъ приѣхалъ Императоръ.

Г-жа Кампанъ со всѣми своими класными дамами встрѣтила Наполеона у большаго подъѣзда и провела въ классы, помѣщенные въ нижнемъ этажѣ. Этого желалъ самъ Императоръ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ воспитанницамъ; малытки, хоть и оробѣвшія, отвѣчали недурно. Онъ взглянулъ на чулки, которые вязали воспитанницы, и даже взялъ одинъ чулокъ, просунулъ въ него руку и осмотрѣлъ также внимательно, какъ бы сдѣлала это какаянибудь знающая хозяйка. Потомъ Императоръ оборачивается къ директрисѣ и говорить:

— Представьте мнѣ, сударыня, трехъ лучшихъ воспитанницъ.

— Государь, я могу представить Вашему Величеству не только *трехъ*, но *шесть*, если вы позволите.

Вмѣсто отвѣта Наполеонъ повернулся на каблучкахъ и отправился осматривать дортуары, рисовальную залу и больницу.

Въ продолженіи этого времени пансіонерки собрались въ церкви, куда и онъ вскорѣ прибылъ. Аббатъ Готье, капелланъ заведенія, провелъ Императора до мѣста, нарочно для него устроеннаго.

Во время *молитвы*, Наполеонъ сталъ на колѣна, какъ и всѣ другіе, но тотчасъ всталъ, когда воспитанницы хоромъ запѣли другую молитву — молитву о благоденствіи ихъ благодѣтеля. Этотъ гимнъ, медленно пропѣтый множествомъ свѣжихъ молодыхъ голосовъ съ акомпаниманомъ органа, видимо растрогалъ Наполеона.

Изъ церкви Наполеонъ отправился на платъ-форму, отдѣляющую замокъ отъ роци, гдѣ были собораны, не смотря на холодъ и снѣгъ, всѣ воспитанницы и выстроены въ двѣ ширенги, тянувшіяся до самыхъ воротъ парка.

Обходя эти ряды, Наполеонъ съ улыбкою сказалъ Г-жѣ Кампанъ:

— У васъ подъ командой славный полкъ; мнѣ рѣдко удастся дѣлать такіе смотры: всѣ эти дѣвочки здоровы какъ нельзя лучше.

— Государь, это послѣдствіе чистоты здѣшняго воздуха.

— И вашихъ стараній, сударыни, возразилъ онъ, ласково кланяясь окружавшимъ его надзирательницамъ, потупившимъ глаза отъ этого привѣтствія.

Послѣ этого Императоръ снова требуетъ представить ему трехъ лучшихъ воспитанницъ.

— Государь, отвѣчаетъ Г-жа Кампанъ, осмѣлюсь замѣтить Вашему Величеству, что я поступлю несправедливо въ отношеніи ко многимъ воспитанницамъ, столько же отличившимся, какъ и тѣ, которыхъ я буду имѣть честь вамъ представить.

Наполеонъ слегка нахмурилъ брови, но не сказалъ ни слова.

Къ концу обѣда онъ вошелъ въ столовую и сталъ у кафедръ.

Въ это время одна изъ большихъ читала молитву. По окончаніи ея, Императоръ спросилъ одну изъ надзирательницъ о числѣ и выборѣ блюдъ, составляющихъ обыкновенный обѣдъ воспитанницъ. На вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ. Послѣ этого Императоръ, понюхавъ табаку, сказалъ Г-жѣ Кампанъ:

— Дѣлать нечего, сударыня, надобно исполнить ваше желаніе: назовите мнѣ *шесть* воспитанницъ.

Но директриса назвала *двѣнадцать*. Воспитанницы, которыхъ вызывала она, выходили одна за другой и становились предъ Императоромъ. Наполеонъ каждой изъ нихъ сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ.

Сдѣлавъ имъ нѣсколько вопросовъ, Наполеонъ сказалъ очень благосклонно:

— До свиданія, сударыни.

Потомъ, оборотясь къ госпожѣ Кампанъ, которая было разсердила его, присовокупилъ:

— Вы представите Дюроку списокъ вашихъ *двѣнадцати* воспитанницъ: я пришлю имъ конфетъ. Прощайте, сударыня; я доволенъ вашимъ порядкомъ. Я отдамъ отчетъ объ этомъ посѣщеніи Императрицѣ и вашей покровительницѣ, Королевѣ Голландской.

Послѣ этого Наполеонъ уѣхалъ.

Въ тотъ же самый день, сядя за столъ, Императоръ весело сказалъ Жозефинѣ.

— Да! я сего дня видѣлъ Лапажери.

— Право? чтожъ ты мнѣ скажешь о немъ?

— Я скажу тебѣ, что онъ былъ подъ арестомъ.

— Ахъ, Боже мой! что это значить?

— Не пугайся: бѣда не большая. Лапажери вздумалъ пококетничать. Это ужъ видно къ крови, но адъютантъ школы гораздо болѣе заботится о приказаніяхъ Генерала Кларка, чѣмъ о журналѣ модъ, кото-

рый тебѣ присылають ежедневно: безъ дальнихъ околичностей посадилъ твоего братца въ *покаянную*, то есть, въ пустую комнату, на хлѣбъ да на воду; я побранилъ его при всѣхъ его товарищахъ. Впрочемъ, онъ здоровъ и со временемъ будетъ хорошенькимъ офицерикомъ.

— Тѣмъ лучше: онъ тебя любитъ такъ много.

— Я думаю, что тебя онъ любитъ еще больше.... Изъ школы я заѣхалъ къ бывшей содержательницѣ пансіона, въ которомъ училась дочь твоя.

— Неужели? изъ Сентъ-Сира ты проѣхалъ въ Экуэнъ?... Какая даль! бѣдныя лошади!...

— Чтѣжь такое?... Я поѣхалъ прогуливаться съ моими пажами, да и заѣхалъ.... Знаешь ли ты, что эти господа задумали подражать стариннымъ пажамъ?

— Въ чемъ?

— Какъ въ чемъ?... да они рвутся со мною въ Экуэнъ, какъ на праздникъ!

— Это не должно удивлять тебя: быть вмѣстѣ съ тобою такъ пріятно!...

— О! вовсе не со мною! воскликнулъ Наполеонъ потирая руки; они не проведутъ меня. Имъ пріятно быть вмѣстѣ съ воспитанницами госпожи Кампанъ. Иныя изъ этихъ дѣвочекъ, — премиленькія! Директриса ихъ сыграла со мной славную штуку, но я ужъ не сержусь; я расскажу тебѣ обо всемъ.

Потомъ, помолчавъ нѣсколько, онъ продолжалъ:

— Я, моя милая, былъ бы очень плохимъ пажемъ; но, увѣряю тебя, что подобной мысли мнѣ никогда не пришло бы въ голову. Они подрались бы между собою, еслибъ не боялись Гардана.

— Всѣ они очень милые молодые люди и очень любятъ тебя, возразила Жозефина.

— Знаю, и самъ люблю ихъ; изъ нихъ вышли славные офицеры. Когда нибудь я женю ихъ.

— Опять за тоже! воскликнула Императрица съ досадою. Съ тѣхъ поръ, какъ ты возвратился, ты все мечтаешь о свадьбахъ!... Богъ съ тобой! жени всѣхъ, кого хочешь, только не женись самъ: вотъ о чемъ молю я Небо. Повѣрь мнѣ, оставивъ меня, ты не будешь счастливъ.

При этой неожиданной выходкѣ, Наполеонъ страшно взглянулъ на Жозефину, поспѣшно всталъ изъ-за стола, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова.

Почти въ ту же самую минуту встала изъ-за стола и Императрица; оставшись одна, она задумалась; слезы брызнули изъ глазъ ея. Это были слезы любви и печали; Жозефина поняла, что на этотъ разъ она зашла слишкомъ далеко.

Это случилось, какъ я сказалъ уже, въ концѣ 1809 года; послѣ приѣзда Императора изъ Шенбруна прошло не болѣе мѣсяца.... Почти вслѣдъ * за этимъ разговоромъ съ Жозефиною Наполеонъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Австрійскаго Императора, хотя многіе изъ родныхъ его, а особливо Мюратъ, и говорили ему, что брачные союзы съ Австрійскимъ домомъ всегда были гибельны для Франціи.

Эмиль Маркó де Сентъ-Илеръ.

* 18 Декабрл.

НА ПОХОДЪ.

Во дворцѣ Императорскомъ никогда не знали предварительно дня, въ который Наполеонъ выйдетъ изъ своей резиденціи для принятія начальства надъ войсками; всѣ придворные его, какъ статскіе, такъ и военные, всегда были готовы къ отъѣзду, потому что Наполеонъ извѣщалъ тѣхъ изъ нихъ, кого намѣревался взять съ собою, не ранѣе, какъ за нѣсколько часовъ передъ выѣздомъ. Даже мѣсто, куда отъѣзжалъ Императоръ, было неизвѣстно. Каждый терпѣливо ожидалъ приказаній Императора (они сообщались оберъ-гофмаршаломъ) и каждый готовъ былъ слѣдовать за нимъ, хоть бы на край свѣта.

Императоръ выѣзжалъ изъ Сенъ-Клу почти всегда въ часъ или въ два часа по полуночи съ однимъ оберъ-гофмаршаломъ или съ оберъ-шталмейстеромъ, и менѣе чѣмъ въ 36 часовъ дѣлалъ по 600 верстъ. Часто тѣ, которые должны были слѣдовать за нимъ, отставали или притѣзжали въ главную квартиру на другой день послѣ побѣды, а иногда и по

окончаніи кампаніи.—«Вовремя приѣхали!» говаривалъ тогда Наполеонъ. «Къ счастью, мы, сударь, обошлись и безъ васъ.»

Въ главной квартирѣ все дѣлалось неожиданно: роздыхи, отъѣзды, назначеніе маршрута. Часто случалось, что войско останавливалось на нѣсколько часовъ или даже на полдня, когда Наполеонъ занимался дѣлами съ герцогомъ Бассано или диктовалъ секретарямъ своимъ; окончивъ свои занятія, Императоръ требовалъ карету, и все двигалось какъ бы дѣйствіемъ силы электрической. О мѣстѣ слѣдующаго роздыха узнавали только въ минуту отъѣзда.

Съ Императоромъ въ каретѣ помѣщался оберъ-гофмаршалъ, а за отсутствіемъ его оберъ-шталмейстеръ, или начальникъ главнаго штаба, а иногда и всѣ трое вмѣстѣ.

Подлѣ лѣвой дверцы кареты обыкновенно ѣхалъ дежурный адъютантъ Императора, а подлѣ правой дежурный шталмейстеръ; за каретою слѣдовали прочіе адъютанты, шталмейстеры, ординарцы, пажи, берейторы съ заводными лошадьми въ поводу, мамелюкъ Рустанъ и придворные лакеи.

За ними непосредственно ѣхалъ конвой, состоявшій изъ 24 гвардейскихъ егерей (колоновожатыхъ) и одного офицера. Все это днемъ и ночью несло большую рысью по тридцати, сорока и даже по пятидесяти верстѣ, безъ отдыха.

Этой свитѣ Наполеона, какъ вы сами можете вообразить, было не очень покойно; а особливо ночью, когда дорога суживалась, провожатые Императора тѣснились такъ, что едва не давили другъ друга, и горе было тому, кто не крѣпко сидѣлъ на конѣ сво-

емъ! Они мчались въ жаръ, въ пыль и дождь, мчались по гололедицѣ, въ туманѣ, и все это для того только, чтобы заслужить благосклонный взглядъ своего властелина. Всѣхъ покойнѣе было ординарду, пажу, берейтору и двумъ егерямъ: они ѣхали передъ каретою Императора въ пятидесяти или въ шестидесяти шагахъ разстоянія.

Наполеону всегда казалось, что эти передовые ѣдутъ слишкомъ медленно. «Они бредутъ, какъ мокрыя курицы! вскрикнулъ онъ однажды, ударивъ кулакомъ въ стѣну своей кареты; — мы никогда не доѣдемъ!» Потомъ опустилъ стекло, выставилъ голову и закричалъ почталіонамъ: «Вы, кажется, спите? мы вовсе не подвигаемся; пошолъ!»

Когда Наполеонъ останавливался, свита его дѣлала тоже самое и сходила съ лошадей, за исключеніемъ егерей, которые не трогались съ своихъ коней.

Какъ скоро Императоръ выходилъ изъ кареты, четверо колоновожатыхъ сходили съ лошадей, подвинчивали штыки къ карабинамъ и, сдѣлавъ на карауль, слѣдовали за Императоромъ. Офицеры же свиты не трогались съ мѣста, покамѣстъ Императоръ не скамандуетъ: *господа, съ спѣделъ долой!*—Онъ обыкновенно выходилъ изъ кареты тогда, когда желалъ подышать чистымъ воздухомъ или взобраться пѣшкомъ на гору.

Когда онъ дѣлалъ наблюденія надъ непріятелемъ, число колоновожатыхъ, составлявшихъ его конвой, удваивалось. Они составляли каре, которое двигалось за Наполеономъ по мѣрѣ надобности, но никогда не отступало отъ него далѣе двадцати пяти или тридцати шаговъ.

Зрительную трубку Императора, необходимую для этихъ наблюдений, обыкновенно носилъ дежурный пажъ его. Осматривая позицію непріятеля, Императоръ клалъ трубку на плечо этого пажа.

Разумѣется, что трубка не всегда лежала неподвижно, и Императоръ однажды полусутливымъ и полусердитымъ тономъ сказалъ своему пажу: — «Да стой же!... Я прошу васъ, сударь, не шевелиться, если это возможно.»

Отдавая трубку пажу, Императоръ потрепалъ его по щекѣ, какъ бы въ знакъ благодарности за его послушаніе и, быть можетъ, за терпѣніе.

Однажды въ подобномъ случаѣ — это было, какъ мнѣ кажется, наканунѣ или за день до Люцинскаго сраженія, — Императоръ, дѣлая рекогносцировку, замѣчаетъ вдали что-то необыкновенное.

— Скажите, говоритъ онъ пажу, который былъ ближе къ нему другихъ своихъ товарищей; узнайте, что это такое и возвратитесь скорѣе: я буду ждать васъ на этомъ мѣстѣ.

Пажъ даетъ шпоры своей лошади и торопитъ ее такъ, что она спотыкается и падаетъ. Это было вначалѣ Апрѣля; свечера шелъ большой дождь; земля была очень скользна. Императоръ ахнулъ отъ испуга, но увидѣвъ, что пажъ снова пустился скакать, вскричалъ: — «Этакой чертенокъ! другой переломалъ бы себѣ руки и ноги, а онъ уцѣлелъ, какъ эластическій мячикъ.

Надобно знать, что *ахъ!* это всегдашнее восклицаніе Императора, имѣло у него множество значеній; услышавъ это *ахъ!* можно было тотчасъ догадаться, пріятно или непріятно Императору то, что

дѣлается передъ его глазами; радуется его или огорчаетъ извѣстіе, имъ полученное; доволенъ онъ или нѣтъ рѣчью, которую говорятъ ему.

Пажъ воротился очень скоро; лице, руки и грудь его были такъ выпачканы грязью, что нельзя было узнать ни его самага, ни его мундира. Онъ отдаетъ отчетъ въ своей поѣздкѣ. Наполеонъ принялъ за отрядъ казаковъ группу деревьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Императоръ, досадуя на свою ошибку, тотчасъ перемѣняетъ разговоръ.

— Какъ вы осмѣлились явиться ко мнѣ въ такой грязи? говоритъ онъ, стараясь скрыть улыбку.

— Государь, — отвѣчаетъ молодой человекъ, чтобы лучше исполнить приказаніе Вашего Величества, я далъ шпоры лошади: она спотыкнулась и....

— И—*patatras!* восклицаетъ Наполеонъ; вы растянулись. Неправда ли, и въ этомъ виновата лошадь?

— Государь, смѣю увѣрить Ваше Величество, что на этотъ разъ я не виноватъ.

— Я ждалъ, что вы будете оправдываться. Нѣтъ, сударь, виноваты вы, а не лошадь, потому что я не приказывалъ вамъ скакать *сломъ голову*.

Императоръ разсмѣялся.

— Это пройдетъ, присовокупилъ онъ благосклонно. Поди, отдохни; а завтра ты и я забудемъ про все.

Пажъ приказалъ пустить себѣ кровь и пролежалъ нѣсколько дней въ постелѣ. Отпуская его послѣ этого паденія, Императоръ покачалъ головою и съ чувствомъ сказалъ Князю Невшательскому:

— Какъ больно ушибся этотъ бѣдный мальчикъ! Рисковать жизнію для того, чтобы скорѣе исполнить мои приказанія!... Всѣ они таковы! Однакожъ я хорошо сдѣлалъ, что не разжалобился: не надобно портить этихъ молодцовъ!

— *Бѣдныя дѣти!* присовокупилъ онъ трепещущимъ голосомъ.

Передъ значительнымъ дѣломъ или когда, по обстоятельствамъ, Императоръ долженъ былъ пробывать нѣкоторое время подъ открытымъ небомъ, егеря и лакеи разводили для Его Величества большой огонь. При этихъ случаяхъ жгли вѣтви деревъ, полѣна величины необыкновенной и даже цѣлыя бревна. Огонь этотъ служилъ нѣ котораго рода сигналомъ, по которому состоявшіе при главной квартирѣ узнавали мѣсто, на которомъ останавливался Императоръ. При немъ въ это время неотлучно находились Бертье, Дюрокъ или Коленкуръ. Рѣдко случалось, чтобы при немъ былъ кто нибудь другой, кромѣ ихъ троихъ, а если и былъ, такъ по особенному приказанію и по какой нибудь надобности.

Всѣ другіе стояли шагахъ въ пятидесяти или въ шестидесяти отъ Императора, составляя кругъ около огня его. Наполеонъ или задумчиво насвистывалъ или разговаривалъ ожидая пушечнаго выстрѣла съ батареей своихъ, или какого нибудь другаго сигнала, о которомъ условлено было заранѣе. Соскучившись, Наполеонъ нюхалъ табакъ, разбрасывалъ ногами камушки, а всего чаще, поправлялъ огонь, такъ что иногда сапоги его обгорали со всѣхъ сторонъ.

Когда Наполеонъ раздавалъ на походѣ чины и кресты — это значило, что онъ готовился дать сраженіе; но самымъ вѣрнымъ признакомъ скорой битвы бывали смотръ или рѣчь, которую онъ произносилъ передъ войсками. Слова Наполеона производили на солдата магическое дѣйствіе. Изъ всѣхъ шумныхъ и драматическихъ сценъ, ежедневно случавшихся на походѣ, самое живое впечатлѣніе производила выдача ора новому полку.

Въ день, назначенный для этой церемоніи, полкъ рано утромъ выходилъ въ полной формѣ на мѣсто, обыкновенно назначаемое въ недалекомъ разстояніи отъ главной квартиры, и строился въ три колонны, фронтомъ къ центру; четвертая сторона этого каре замѣщалась главнымъ штабомъ и свитою Императора.

Тотчасъ по прибытіи Наполеона, всѣ офицеры выходили впередъ на линію. Императоръ подъѣзжалъ одинъ одиноконекъ; одѣтъ онъ всегда былъ просто, между тѣмъ какъ мундиры свиты его блестяли золотомъ и серебромъ, и были увѣшаны орденами.

Князь Ваграмскій, какъ начальникъ главнаго штаба, выслушавъ приказанія Императора, сходилъ съ коня и приказывалъ распустить знамя, которое для этого вынимали изъ его кожаного чехла передъ всѣми офицерами, выстроенными на линіи.

Въ слѣдъ за этимъ начинали бить въ барабаны; бой продолжался до той минуты, когда Бертье бралъ изъ рукъ офицера ора и подходилъ къ Императору.

Въ эту минуту, Наполеонъ, снявъ шляпу, салютоваль знамя, снималъ перчатку, приподнималъ правую руку къ орлу и звучнымъ голосомъ произносилъ слѣдующее: «Салдаты, я вѣрю вамъ орла Французскаго! Я вѣрю его вашему мужеству и «вашей любви къ отечеству! Онъ будетъ путеводителемъ вашимъ и знакомъ вашего соединенія. Клянётесь ли вы не покидать его никогда? клянётесь ли вы жить для него и умереть за него? клянётесь ли вы предпочитать смерть постыдной потерѣ его «на полѣ брани? Вы всё клянётесь?.....» Эти послѣднія слова: *вы всё клянётесь*, произносилъ онъ такъ выразительно, что всё офицеры, поднимая обнаженные шпаги, и всё солдаты восклицали единодушно:

— Да, мы клянемся!

Послѣ этого Бертъ отдавалъ орла полковому знаменосцу, а полкъ строился въ колонну, сдвигалъ ряды и проходилъ мимо Наполеона церемоніальнымъ маршемъ при звукахъ музыки и при кликахъ: *да здравствуетъ Императоръ!*

Въ день этой выдачи полковникъ приглашалъ офицеровъ своего полка къ себѣ на обѣдъ, а солдатамъ выдавалась двойная порція (привіанта, говядины и водки) на каждого человѣка.

Случалось иногда, что на церемоніальномъ маршѣ нѣкоторые солдаты (разумѣется съ позволенія своего полковника) выходили изъ рядовъ и подходили къ Императору съ просьбою о производствѣ или съ требованіемъ креста, имъ обѣщаннаго. Въ этомъ случаѣ проситель лѣвою рукою отдавалъ честь своимъ ружьемъ, а правую подносилъ ко лбу.

— Государь, говорилъ онъ, я заслужилъ крестъ.

— Какимъ образомъ? улыбаясь отвѣчалъ Наполеонъ.

Тогда проситель принимался съ жаромъ разсказывать о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, о томъ, что онъ самъ сдѣлалъ, о ранахъ имъ полученныхъ.

Наполеонъ всегда прерывалъ его вопросомъ: *сколько лѣтъ въ службѣ?* Если проситель отвѣчалъ кратко и ясно, Наполеонъ подзывалъ къ себѣ его баталіоннаго командира, требовалъ отъ него свѣдѣній о службѣ солдата, и если баталіонный командиръ подтверждалъ сказанное солдатомъ, Императоръ говаривалъ кому нибудь изъ адъютантовъ:

— Запишите его имя!

Потомъ, обращаясь къ просителю, присовокуплялъ:

— Будь покоенъ, все будетъ сдѣлано.

Въ этихъ случаяхъ патентъ на крестъ почетнаго легіона выдавался немедленно; но когда права просителя на этотъ орденъ были не совсѣмъ достаточны, Наполеонъ, дружески кивнувъ головою, отвѣчалъ:

— Хорошо, хорошо; еще будетъ время: мы увидимъ.

Подобное требованіе сдѣлалъ одинъ заслуженный капитанъ, участвовавшій во всѣхъ походахъ временъ революціи, не получившій ордена. Капитанъ подходитъ къ Императору и требуетъ креста, какъ бы съ упрекомъ.

— Государь, я имѣю на него право; я желаю и долженъ получить его теперь!

— Не горячитесь, капитанъ; я разсмотрю ваши права.

— Государь, вы можете видѣть ихъ теперь же: вотъ они!

Капитанъ открываетъ грудь свою: она была покрыта ранами.

— Ваши права очень достаточны! восклицаетъ Императоръ, стараясь не показать, какъ онъ былъ растроганъ. Князь Невшательскій, прикажите сей же часъ дать этому офицеру патентъ на орденъ почетнаго легіона.

Часъ спустя послѣ этой сцены, старый капитанъ получаетъ отъ Бертье приглашеніе къ обѣду. Старикъ спѣшитъ явиться на зовъ. Садятся за столъ; капитана помѣстили по правую руку отъ начальника главнаго штаба. Развертывая салфетку, капитанъ роныетъ что-то: это — патентъ его на орденъ почетнаго легіона.

Эмиль Маркò де Сентъ-Илеръ.

СПЕКТАКЛЬ НА ПРИДВОРНОМЪ ТЕАТРѢ.

Послѣ спектаклей на Тюльерійскомъ театрѣ, обыкновенно бывали вечера на парадной половинѣ; но въ этихъ придворныхъ вечернихъ собраніяхъ принимали участіе только тѣ изъ зрителей, которые получали особое приглашеніе. Послѣ одного изъ этихъ представленій, случилось съ г. Мишелемъ, извѣстнымъ банкиромъ того времени, происшествіе довольно непріятное. По выходѣ изъ театра, Мишель встрѣчается въ корридорѣ съ знакомыми ему дипломатами, заводитъ съ ними разговоръ и, заговорившись, входитъ въ пріемную залу. Императоръ замѣчаетъ его, хмуритъ брови, подзываетъ къ себѣ г. Ремюзэ и спрашиваетъ:

— Вы знаете г. Мишеля?

— Безъ сомнѣнія, Государь.

— Кто позволилъ ему явиться сюда?

— Государь, я не знаю.

— И я тоже. Посмотрите, вотъ онъ разговариваетъ съ г. Четто. Скажите ему, чтобы онъ вышелъ: я не приглашалъ его сюда.

Эти послѣднія слова Наполеонъ произнесъ съ особеннымъ выраженіемъ.

Положеніе г. Мишеля въ обществѣ, его огромное состояніе, его родственныя связи съ богатѣйшими торговыми домами и съ знатью Парижа, все это дѣлало исполненіе порученія, возложеннаго на г. Ремюзэ, довольно затруднительнымъ; однакожь г. Ремюзэ выпутался изъ бѣды какъ нельзя лучше для себя самого. Наполеонъ не любилъ г. Мишеля за кой-какіе *счета* этого банкира съ поставщиками для Италіанской арміи, и называлъ его «проидохою.»

Послѣ этого происшествія, Наполеонъ приказалъ представлять себѣ предварительно списокъ всѣхъ особъ, приглашаемыхъ на придворные спектакли и вечера. Просмотрѣвъ этотъ списокъ, Наполеонъ бралъ перо и безжалостно вычеркивалъ имена тѣхъ, «съ которыми, какъ онъ говаривалъ, онъ не желалъ имѣть ничего общаго.» Въ числѣ этихъ именъ встрѣчались такія, при видѣ которыхъ Императоръ не могъ удержаться отъ гнѣвнаго движенія. Императрица насмѣшливо улыбнулась при этихъ порывахъ гнѣва: имена, сердившія Наполеона, принадлежали, по большей части, дамамъ, съ которыми она болѣе или менѣе была знакома во время вдовства своего.

Г. Ремюзэ, бывшій старшимъ камергеромъ и директоромъ придворнаго театра, завѣдывалъ всѣмъ, (впрочемъ, при помощи префектовъ дворца—гг. Лю-

се и Боссе), что относилось до спектаклей, даваемыхъ въ присутствіи Ихъ Величествъ. Онъ утверждалъ репертуары *Французскаго и Итальянскаго театровъ, большой и комической оперы*, потому что актеры всѣхъ этихъ театровъ поочереды и, по меньшей мѣрѣ, разъ въ недѣлю играли для двора, гдѣ бы дворъ ни находился. Сверхъ того, оберъ-каммергеръ завѣдывалъ приглашеніями на эти спектакли, надсматривалъ за соблюденіемъ на нихъ этикета, распоряжался размѣщеніемъ во дворцѣ актеровъ, музыкантовъ и театральныхъ чиновниковъ; смотрѣлъ за постановкою пьесъ и даже за порядкомъ во время представленія. Впрочемъ, все это театральное могущество г. оберъ-каммергера длилось только до окончанія спектакля.

Билеты на эти спектакли отдавались при входѣ камеръ-лакеямъ. Дежурные пажи стояли у дверей ложъ Ихъ Величествъ и у дверей ложъ Принцевъ и Принцессъ фамиліи Императорской. Должность пажей въ это время была завидная: они служивали сестрамъ и свояченицамъ Императора. Двери другихъ ложъ открывались придворными лакеями. Въ антрактахъ эти лакеи разносили по залѣ пуншъ, мороженое, конфекты и проч. Мѣста зрителямъ указывалъ особый чиновникъ.

Появленіе Императора въ театральную залъ производило магическое дѣйствіе на зрителей; при одномъ восклицаніи придверника: *Императоръ!* въ залѣ водворялась глубокая, благоговѣйная тишина; взоры всѣхъ устремлялись въ ту сторону, откуда долженъ появиться Императоръ, Короли, Герцоги и

Князья, по одному его слову сдѣлавшіеся Королями, Герцогами и Князьями, тѣснились, чтобы дать просторъ шествію своего властелина.

Въ воскресенье 14 Іюня 1807 года, въ день сраженія при Маренго, былъ назначенъ спектакль въ Тюльери. Играть должны были, по приказанію Императора, одни только артисты *Французскаго театра*. Для представленія г. Ремюза назначилъ *Іоанна Бургундскаго*, новое произведеніе одного молодого дипломата, подававшего весьма хорошія литературныя надежды, какъ вдругъ Фуше запрещаетъ представленіе этой трагедіи, подъ предлогомъ, что она, во многихъ мѣстахъ, оскорбительна для Императора. Остроумнѣйшій изъ нашихъ государственныхъ людей, желая помочь своему питомцу, настоялъ, чтобы пьесу прочли Наполеону. Императоръ, выслушавъ ее, воскликнулъ: «Что забралъ себѣ въ голову Фуше?... Развѣ я похититель престола? Фуше иногда бываетъ черезъ чуръ усерденъ. Эта трагедія будетъ представлена!» Однакомъ, не смотря на это приказаніе, мнѣніе министра полиціи взяло верхъ и *Іоаннъ Бургундскій* былъ замѣщенъ *Поліевктомъ*, любимую пьесою Императора.

Какъ бы то ни было, въ воскресенье, часовъ около восьми вечера, зала Тюльерійскаго театра была полна и походила на волшебный дворецъ, сіяющій золотомъ и алмазами. Галлерей перваго яруса была исключительно занята придворными дамами; въ балконѣ помѣщались одни царственные особы. Императоръ и Императрица, какъ обыкновенно, занимали двѣ ложи на аванъ-сценѣ, находившіяся одна про-

тивъ другой. Въ галлерей второго яруса было собрано лучшее общество и всѣ знаменитости столицы.

Въ ложу, находившуюся на аванъ-сценѣ по лѣвой сторонѣ залы, вошелъ человѣчекъ блѣдный, съ суровымъ взглядомъ, въ шляпѣ, въ зеленомъ мундирѣ, со звѣздою почетнаго легіона и въ полковничьихъ эполетахъ.

Это Императоръ: онъ поклонился три раза.

Въ тоже мгновеніе въ залѣ наступило глубокое молчаніе, зрители устылись и спектакль начался.

Незначительную роль *Феликса* игралъ Батистъ старшій. Роль *Полины* играла дѣвица Дюшенуа. Тальма былъ превосходенъ въ роль Севера, и восторжествовалъ надъ тѣми, которые порицали и декламацию его и жестификацію. Никогда декламация великаго трагика нашего не была такъ правильна, никогда игра его не была такъ благородна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ проста, какъ въ этотъ вечеръ. Прекрасною тирадою о христіанахъ онъ возбудилъ всеобщій восторгъ, — восторгъ смиренный, по законамъ этикета, но тѣмъ не менѣе лестный.

Послѣ трагедіи зрителей ожидало новое удовольствіе. Дѣвица Марсъ играла въ пьесѣ *les Jeux de l'Amour et du Hasard*. Красота дѣвицы Марсъ, выразительные, умные глаза ея, очаровательный голосъ и отчетливость игры ея доставили ей лестный упрекъ, — упрекъ въ единообразіи совершенства; произнести имя ея — значило воздать ей хвалу, достойную ея таланта.

Не за долго до окончанія этого блистательнаго представленія, Императоръ пригласилъ въ свою ло-

жу Короля Баварскаго: это была честь неслыханная, предметъ общей зависти. Выходя изъ театра, Императоръ взялъ Короля подъ руку и повелъ посреди толпы, собравшейся у выхода; Король, наслышавшись о мошенничествахъ въ Парижѣ, высвободилъ руку свою изъ руки Императора, взялся за свою часовую цѣпочку и сказалъ Его Величеству:

— Извините, Государь; осторожность дѣло не лишнее: я не всѣхъ знаю здѣсь...

— Да, весело отвѣчалъ Наполеонъ, отъ котораго не укрылась заботливость Короля; на вашемъ мѣстѣ я, быть можетъ, сдѣлалъ бы тоже самое и въ Мюнхенѣ.

БЫВШІЙ ПРИДВОРНЫЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

СЧЕТЪ ТРАКТИРЩИКА.

Бывшій Король Вестфальскій, Іеронимъ Бонапартъ, до вступленія на престолъ, жилъ въ Парижѣ очень беззаботно и весело. Посѣщая театры и другія мѣста общественныхъ удовольствій, Іеронимъ познакомился съ нѣкоторыми молодыми литераторами, извѣстными въ то время по своему остроумію, по своей веселости и безпечности.

Наканунѣ назначенія своего на престолъ Вестфальскій, Іеронимъ, выходя изъ театра, встрѣчается съ двумя самыми короткими своими пріятелями съ С..... и съ Пиго-Лебрёномъ.

— Вы знаете, друзья, что я сдѣланъ Королемъ? говоритъ имъ Іеронимъ.

— Точно такъ, Государь; и спѣшимъ....

— Это чтó значить? къ чему такія церемоніи? Хоть бы это было во дворцѣ, а то здѣсь!... Что за вы, говорите мнѣ, по старому, ты, и будемъ по старому веселиться... Пойдемте ужинать.

Иеронимъ ведетъ своихъ пріятелей къ лучшему ресторатору Пале-Рояля и требуетъ богатѣйшій ужинъ.

Собесѣдники болтають, шутятъ, смѣются и не забываютъ осушать бутылки.

— Друзья мои, говоритъ Иеронимъ, мы не разстанемся болѣе: я возьму васъ съ собою. Ты, С..., будешь моимъ секретаремъ; а ты Пиго библіотекаремъ. Вѣдь ты охотникъ до книгъ.

Предложеніе было принято и, въ ту же минуту, ратификовано новою бутылкою шампанскаго.

Наконецъ надобно было подумать и о разстояніи.

Требуютъ счетъ; Иеронимъ вынимаетъ свой кошелекъ и и находитъ въ немъ только два луйдора, между тѣмъ какъ за ужинъ надобно заплатить около ста франковъ; у обоихъ новыхъ сановниковъ новаго Короля оказывается не болѣе одного экю. Какъ быть? гдѣ достать денегъ во второмъ часу ночи? Наконецъ собесѣдники рѣшаются призвать хозяина и рассказать ему о своемъ положеніи.

Рестораторъ, какъ человѣкъ учтивый, не сердится и только проситъ у своихъ посѣтителей позволенія записать имена ихъ.

— Я, сударь, говоритъ ему С..., я секретарь Его Величества Короля Вестфальскаго!

— А я библіотекарь Его Величества! присовокупляетъ Пиго.

— Превосходно, господа! говоритъ рестораторъ, начиная думать, что его хотятъ одурачить; а этотъ молодчикъ, вѣроятно, самъ Король Вестфальскій?

— Вы угадали! восклицаетъ Иеронимъ; я Король Вестфальскій.

— Ужъ это черезъ чуръ, господа! Посмотримъ, осмѣлитесь ли вы такъ насмѣхаться, когда я позову полицейскаго офицера.

— Сдѣлайте милость, говоритъ ему Иеронимъ, начинавшій беспокоиться о послѣдствіяхъ, не заводите хлопотъ. Если вы не вѣрите намъ, я оставлю вамъ часы мои, которые стоятъ въдесятеро противу вашего ужина.

И въ слѣдъ за этимъ онъ отдаетъ трактирнику свои великолѣпные часы, подаренные ему Императрицею Жозефиною; часы, на которыхъ былъ даже вензель ея изъ бриліантовъ, и уходитъ вмѣстѣ съ своими пріятелями.

Рестораторъ, думая, что часы были краденые, относитъ ихъ къ полицейскому комиссару. Комиссаръ, увидѣвъ вензель Императрицы, бѣжитъ съ часами къ префекту полиціи. Префектъ везетъ ихъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Министръ ѣдетъ съ ними къ Императору въ Сень-Клу и на другой же день является въ Монитеръ слѣдующее повелѣніе: «Его Величество Король Вестфальскій имѣетъ немедленно отправиться въ свои владѣнія и до прібытія въ столицу свою не можетъ опредѣлять ни на какое мѣсто и ни къ какимъ должностямъ.»

Джемсъ-Руссо.

РАЗВОДЫ И ИСПЕКТОРСКІЯ СМОТРЫ, ПАРАДЫ И ПРОИЗВОДСТВА.

Наполеонъ не слишкомъ уважалъ обыкновенную храбрость; онъ считалъ ее свойствомъ, общимъ всѣмъ Французамъ: только одна геройская неустрашимость имѣла въ глазахъ его цѣну. Онъ все готовъ былъ простить человѣку истинно неустрашимому.

Когда на смотру или на аудіенціи какой нибудь военный просилъ о своихъ надобностяхъ, Императоръ всегда спрашивалъ его, раненъ ли онъ. Рана въ глазахъ Императора была вещь важная; онъ говорилъ, что каждая рана стоитъ цѣлаго рода благодарныхъ предковъ.

Стоя передъ фронтомъ полка, Наполеонъ иногда спрашивалъ у полковника, кто изъ офицеровъ его самый *неустрашимый*, и вопросъ не долго оставался безъ отвѣта. Послѣ этого Наполеонъ обращался къ офицерамъ полка и снова спрашивалъ:

— Кто изъ васъ, господа, всѣхъ храбрѣе?

— Государь, *такой-то*.

Два эти отвѣта всегда были сходны между собою.

— *Такой-то*, говаривалъ тогда Наполеонъ, я жалую васъ въ Бароны! я награждаю въ лицѣ вашемъ не только ваше личное мужество, но и мужество всего корпуса, въ которомъ вы служите. Милостію этой вы обязаны уваженію вашихъ товарищей столько же, какъ и мнѣ самому.

Послѣ этого онъ подзывалъ къ себѣ ново пожалованнаго и присовокуплялъ, простирая къ нему объятія и возвышая голосъ:

— Баронъ *такой-то!* обоймите вашего Императора!

И въ слѣдъ за этимъ обнималъ его.

Таковъ же былъ и въ отношеніи къ солдатамъ, отличившимся храбростію и поведеніемъ. Заслуженные воины награждались чинами, или получали изъ собственныхъ суммъ его денежныя награды и пенсіоны, если только имѣли раны.

Въ 1807 году, послѣ сраженія при Эйлау, онъ назначилъ пенсіонъ въ 600 франковъ одному молодому солдату, который врубился въ эскадронъ Русскихъ кирасиръ и вынесъ изъ него на плечахъ своего командира, смертельно раненаго, вынесъ защищая его своею саблею. Онъ защищалъ его какъ отца, сказалъ Наполеонъ, рассказывая объ этомъ подвигѣ.

Рѣдко случалось, чтобы Наполеонъ (гдѣ бы онъ ни находился — въ Тюльери, въ Сентъ-Клу, главной

квартиръ) не дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, два или три раза въ недѣлю смотра войскамъ, которыя были у него, такъ сказать, подъ рукою; сверхъ того, ежедневно послѣ завтрака онъ дѣлалъ разводъ баталіону пѣхоты и эскадрону кавалеріи, занимавшему караулы въ его резиденціи.

На эти небольшіе парады обыкновенно являлся всякой переформированный полкъ, и всякой полкъ вновь прибывшій, возвратившійся изъ арміи, или отправляемый въ какое-нибудь отдаленное мѣсто.

Послѣ нѣсколькихъ эволюцій, исполненныхъ по командѣ Принца Евгенія, имѣвшего звучный голосъ, или во время отсутствія Принца, по командѣ Генерала Мутона или, наконецъ, по командѣ красавца Дорсена, полковника гвардейскихъ гренадеръ, котораго природа также одарила *грамогласностью*, столь много цѣнимою Наполеономъ, — Императоръ приказывалъ пройти церемоніальнымъ маршемъ. Каждый военный, какого бы онъ ни былъ чина, имѣлъ въ это время право подойти къ Императору и просить его о своихъ надобностяхъ. Наполеонъ выслушивалъ, спрашивалъ и тутъ же дѣлалъ рѣшеніе по просьбѣ. Если приходилось отказать, Императоръ старался отказать такъ, чтобы неудача не слишкомъ огорчила просителя. Не одинъ разъ случалось, что на этихъ небольшихъ парадахъ въ ту минуту, когда полкъ проходилъ мимо главнаго штаба, какой-нибудь простой солдатъ оставлялъ ряды свои, мѣрнымъ шагомъ подходилъ къ Императору, дѣлалъ ему на караулъ и представлялъ просьбу; Императоръ прочитывалъ ее и немедленно удовлетворялъ

по ней, если только содержаніе ея не было противно законамъ.

Однажды на разводѣ былъ одинъ иностранный полкъ, состоявшій въ службѣ Императорской, полкъ, который не за долго передъ этимъ прибылъ въ Парижъ и вскорѣ долженъ былъ отправиться на свои постоянныя квартиры. Императоръ остался весьма доволенъ отличною выправкою людей этого полка, благодарилъ полковника и потомъ, обратясь къ самому младшему изъ своихъ ординарцовъ, сказалъ ему: «Г. Сальмъ, эти молодцы должны знать васъ; подойдите къ нимъ и скомандуйте къ заряду въ двѣнадцать темповъ.» Князь покраснѣлъ, какъ молодая дѣвушка, однакожъ не смутился, вышелъ изъ группы офицеровъ, въ которой стоялъ, вынулъ шпагу и исполнилъ приказаніе Императора превосходно.

Вскорѣ послѣ этого случилось происшествіе въ томъ же родѣ, но весьма любопытное по своимъ подробностямъ.

Это было на одномъ изъ тѣхъ большихъ смотровъ гвардіи, которые Наполеонъ дѣлалъ на дворѣ Тюльерійскаго дворца въ первое воскресенье каждаго мѣсяца, послѣ обѣдни. На этотъ разъ, на смотръ назначены были и воспитанники Сень-Сирской военной школы. Между этими молодыми людьми Императоръ замѣтилъ одного сержанта, имѣвшаго не больше 17 или 18 лѣтъ отъ роду, но примѣчательнаго по своей отличной выправкѣ и смѣлой фizioноміи. Императоръ любилъ угадывать будущія способности своихъ офицеровъ: онъ подзываетъ къ себѣ молодаго сержанта, спрашиваетъ о чемъ-то и

приказываетъ ему командовать ружейные приемы и марши полка гвардейскихъ гренадеръ, выстроеннаго въ боевой порядокъ.

При этомъ должно припомнить, что Сенъ-Сирская школа всегда отличалась удивительною точностію въ экзерциціяхъ, между тѣмъ какъ старая гвардія, болѣе занятая воспоминаніемъ побѣдъ своихъ, чѣмъ *ученьемъ*, не слишкомъ заботилась объ этой точности.

Нашъ сержантъ становится въ тридцати шагахъ передъ центромъ этого полка и смѣло командуетъ:

— Смирно!... на пле—чо!...

Полкъ дѣлаетъ «на плечо»; но дѣлаетъ вяло, не ловко.

— Не такъ! восклицаетъ молодой человѣкъ съ гнѣвомъ. Еще разъ!

Императоръ улыбается; усачамъ это кажется забавнымъ; воспитанникъ Сенъ-Сирской школы начинаетъ снова:

— Смирно!..... На пле—чо!....

Исполненіе было и на этотъ разъ дурно.

— Corbleu! опять не такъ!

Сержантъ отходитъ отъ полка нѣсколько далѣе, чтобы удобнѣе окинуть его глазами, и говоритъ:

— Смотрите, вотъ какъ это дѣлается: разъ, два, живо!

И въ тоже самое время превосходно дѣлаетъ этотъ приемъ.

Императоръ хохочетъ, но гренадеры начинаютъ сердиться; сержантъ командуетъ въ третій разъ:

— Смирно!... Croisez.... yette!

Полкъ повинуется снова и снова неудачно.

— Да это вовсе не то! восклицаетъ воспитанникъ школы, ударивъ прикладомъ ружья въ землю. Это гадко! вы ничего не смыслите; вы неучи!

При этомъ *неучи* въ рядахъ слышится ропотъ; раздаются восклицанія: *rekin, blanc-bec!*... Императоръ слышалъ ихъ; онъ приближается.... все умолкаетъ. Онъ подходитъ къ сержанту, требуетъ у него ружье, потомъ становится между полкомъ и строемъ воспитанниковъ Сень-Сирскихъ, фронтъ которыхъ былъ обращенъ къ этому полку, и командуетъ ружейные приемы воспитанникамъ.

Школа дѣлаетъ ихъ отлично. Императоръ, предполагая, что гнѣвъ усачей его остылъ, оборачивается къ нимъ, указываетъ на воспитанниковъ Сень-Сирскихъ и говоритъ: «что дѣлать, дѣти, надобно признаться, что они знаютъ свое дѣло!» Потомъ онъ подходитъ къ молодому сержанту и, возвращая ему ружье, присовокупляетъ съ важностью и притомъ такъ, чтобы всѣ слышали: «однакожь, сударь, мы получше васъ дѣлали, когда были молоды!»

Эти слова восхитили старыхъ гренадеровъ и восклицанія да *здравствуетъ Императоръ!* раздались ото всюду.

На этихъ смотрахъ, Наполеонъ иногда самъ осматривалъ ранцы солдатъ; случалось даже, что онъ бралъ ружье у какого нибудь рекрута, не слишкомъ здороваго по наружности, и говаривалъ веселымъ ободряющимъ тономъ: «не робей, мой другъ, оно не тяжелѣе другихъ; вѣдь ты привыкнешь къ нему, не правда ли?»

Въ одно утро, дѣлая, передъ парадомъ, смотрѣ второму баталіону гвардейскихъ пѣшихъ егерей, бывшему въ тотъ день въ караулѣ, онъ остановился передъ однимъ солдатомъ, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и сказалъ съ упрекомъ:

— Ромѣфъ, почему не вижу я на тебѣ креста, который я далъ тебѣ въ Булони!

Наполеонъ зналъ по имени почти всѣхъ солдатъ старой гвардіи.

— Мон Емрегеир, отвѣчаетъ егеръ, крестъ у меня на кожѣ. Цесарецъ расхватилъ ее пониже груди начетверо. Вы знаете, это было подъ Эслингеномъ, гдѣ съ васъ свалилась шляпа наземь; я берегу лоскуточки ея и покажу ихъ вамъ.

Въ слѣдъ за этимъ Ромѣфъ вынимаетъ изъ-подъ мундира небольшой пакетъ и подаетъ его Императору.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Наполеонъ, развернувъ этотъ пакетъ, я помѣняюсь съ тобою: согласенъ ли ты?

Солдатъ наморщился и не отвѣчалъ ни слова. Наполеонъ продолжалъ:

— Я предлагаю тебѣ мой крестъ за обломки твоего?

Егеръ все еще молчитъ.

— Развѣ эта перемѣна тебѣ не нравится?... Да отвѣчай же!

— Я согласенъ монѣняться съ вами мон Емрегеир, отвѣчаетъ наконецъ егеръ нерѣшительно, если вы этого желаете; только прошу васъ не потерять обломочковъ моего креста.

— Такъ эта дрянь дорога тебѣ? возражаетъ Наполеонъ съ притворнымъ презрѣніемъ и подбрасывая на бумагѣ обломки креста Ромёфа. При словѣ *дрянь* Ромёфъ выходитъ изъ себя, гордо приподнимаетъ голову и кусая себѣ губы говорить:

— Дрянь!... Извините, *mon Empereur*; но безъ дряни плохо было бы Франциску Ромёфу. Пожалуйте мнѣ обломки моего креста: я велю спаять ихъ.

— Ну ужъ если тебѣ такъ дорогъ твой крестъ, оставь его у себя, да и мой возьми въ придачу. Такимъ молодцамъ, какъ ты, можно дать и два креста.

Императоръ потеревилъ его за усы и удалился, сказавъ офицерамъ своего главного штаба:

— Ромёфъ мой старинный пріятель, господа; послѣ перваго нашего свиданія прошло много лѣтъ; только онъ щекотливъ немножко.

Трудно изобразить магическое дѣйствіе, которое производили подобныя слова Императора. Солдаты никогда не забывали ихъ, и тотъ, о которомъ можно было сказать, что «съ нимъ говорилъ Императоръ,» пользовался неслыханнымъ уваженіемъ въ своей ротѣ.

Въ другой разъ онъ спросилъ у офицера, проѣзжавшаго мимо его съ фурую, наполненною снарядами для постройки мостовъ: «Что вы везете въ этой фурѣ?»

— Государь, отвѣчалъ офицеръ, болты, желѣзные гвозди, винты, веревки, молотки, пилы, клещи и гвозди деревянные осьми и двѣнадцати дюймовые.

— И больше ничего нѣтъ въ этой фурѣ?

— Больше ничего, Государь.

— А сколько всего этого?

Офицеръ сказываетъ точное число каждаго сорта этихъ снарядовъ.

— Посмотримъ, присовокупляетъ Наполеонъ.

Фура тотже часъ опорожняется; гвозди, клещи и проч. пересчитываются; число ихъ оказывается сходнымъ съ числомъ, сказаннымъ офицеромъ; но Наполеонъ, желая увѣриться, начисто ли опорожнена фура, становится на колесо и заглядываетъ въ нее: въ фуру не было ни чего. Онъ сходитъ, и сдѣлавъ офицеру дружескій знакъ рукою, присовокупляетъ: «Вы правы, сударь; впрочемъ, не мудрено ошибиться; я бы желалъ, чтобы всѣ офицеры арміи знали свое дѣло также хорошо, какъ вы знаете ваше.»

Этотъ поступокъ Императора былъ привѣтствованъ рукоплесканіями и громогласнымъ *виватъ*. «Славно! говорили солдаты, славно! вотъ молодець!... его ужъ не проведешь!...»

Изъ этого видно, что Наполеонъ, дѣлая войскамъ смотръ, входилъ въ малѣйшія подробности и что онъ хотѣлъ видѣть все своими глазами. Онъ осматривалъ солдатъ почти по одиночкѣ; онъ внимательно разспрашивалъ ихъ и старался угадать изъ самаго лица ихъ, довольны они или нѣтъ своимъ бытомъ.

Однажды вечеромъ, объѣзжая биваки, устроенныя вокругъ главной квартиры его, (это было въ бѣдственную Испанскую войну 1808 года), онъ услышалъ ропотъ солдатъ, утомленныхъ переходами и лишеніями. Наполеонъ остановился:

— Что тамъ такое? вскрикнулъ онъ; мнѣ кажется, здѣсь есть недовольные?

Потомъ, подойдя къ одному старому солдату, больше сердитому повиду, чѣмъ другіе, спросилъ:

— Ты здоровъ?

Отвѣта не было.

Наполеонъ, пристально взглянувъ на него, присовокупляетъ:

— Я спрашиваю у тебя, каково вы здѣсь живете?

Солдатъ складываетъ руки на груди, потупляетъ глаза и молчитъ.

Въ эту минуту одинъ поручикъ, слышавшій послѣдній вопросъ Императора, приближается и говорить ему съ печальнымъ видомъ:

— Ахъ! Государь! мы живемъ здѣсь преданностію.

— Какъ васъ зовутъ, сударь? съ живостію спрашиваетъ у него Императоръ, бросая на него гнѣвный взглядъ.

— Вернякъ, Государь.

— Я былъ впередъ увѣренъ, что ваше прозваніе кончится на *гнас*.

Вслѣдъ за этимъ Наполеонъ быстро оборачивается спиною къ офицеру и уходитъ.

Рѣдко случалось, чтобы Императоръ на большомъ ежемѣсячномъ смотрѣ (эти смотры дѣлались на дворѣ дворца и на Карусельной площади) не оказалъ какихъ нибудь милостей, не роздалъ крестовъ или не сдѣлалъ новыхъ производствъ въ полкахъ, бывшихъ передъ его глазами.

Эти производства, при умѣньи Наполеона дѣлать важнымъ самый простой случай, производили на душу солдата впечатлѣніе сильное, магическое.

На смотрѣ, бывшемъ въ концѣ Генваря 1814 года, вниманіе Наполеона останавливается на одномъ